

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференции, семинары, круглые столы

На грани столетий: философское переосмысление И.С. Тургенева

И.Е. Кознова

Институт философии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-3-150-159

Обзор конференции

Аннотация

Во Всемирный день философии 15 ноября 2018 г. в Институте философии РАН состоялась международная конференция «Иван Сергеевич Тургенев: философствующий писатель и политический философ. К 200-летию со дня рождения». На пленарном и двух секционных заседаниях выступили философы, культурологи, историки России, США, Германии, Австрии. Подобный ракурс рассмотрения многогранного наследия великого русского писателя дал возможность высветить в современном историко-культурном контексте многие стороны тургеневского творчества, переосмыслить существующие у исследователей и в массовом сознании стереотипы в отношении Тургенева. На конференции Тургенев был представлен как политический мыслитель, либерал, воплощающий в себе духовное подвижничество, приверженец диалога культур, «русский европеец», не приемлющий «нового варварства» во всех его проявлениях от радикализма до российской исключительности. В докладах и выступлениях обращалось внимание на присущий Тургеневу культурный билингвизм, на его способность отстраненного художественно-философского наблюдения, позволившую ему проанализировать современное для него состояние умов в российском обществе и предвидеть многие коллизии, присущие отечественному историческому процессу в XX – начале XXI вв., мировые культурные тренды, опосредованные «восстанием масс», предвосхитить драму абсурда. В числе дискуссионных вопросов на конференции стали темы нигилизма и одиночества, рассмотренные сквозь призму экзистенциального опыта писателя и мировых литературных образов.

Ключевые слова: Тургенев, философия, литература, политика, культура, немецкая философия, самосознание, свобода, человек, жизнь, смерть, одиночество, либерализм, западничество, нигилизм, Россия, Европа.

Кознова Ирина Евгеньевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора философии культуры Института философии РАН.

i.koznova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4601-7118>

Для цитирования: Кознова И.Е. (2019) На грани столетий: философское переосмысление И.С. Тургенева // Философские науки. 2019. Т. 62. № 63. С. 150–159. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-3-150-159

On the Verge of Centuries: A Philosophical Rethinking of I.S. Turgenev

I.E. Koznova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-3-150-159

Conference review

Abstract

On World Philosophy Day, November 15, 2018, the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences organized the international conference on the Russian classic writer I.S. Turgenev (“Ivan Sergeevich Turgenev: A Philosophical Writer and Political Philosopher. On the 200th Anniversary of the Birth”). During the plenary and two breakout sessions, speeches were given by philosophers, cultural researchers, historians of Russia, USA, Germany, Austria. The conference’s attitude to the consideration of the multifaceted heritage of the great Russian writer made it possible to highlight in the modern historical and cultural context many aspects of Turgenev’s work, to rethink stereotypes existing among researchers and in the mass consciousness regarding Turgenev. At the conference, Turgenev was presented as a political thinker, a liberal who embodied spiritual asceticism, a supporter of the dialogue of cultures, a “Russian European” who does not accept “new barbarism” in all its manifestations from radicalism to Russian exclusivity idea. In the reports and speeches, attention was drawn to the cultural bilingualism inherent in Turgenev, his ability of non-biased artistic and philosophical observation, which enabled him to analyze the then state of minds in Russian society, to foresee many collisions inherent in the national historical process in the 20th – early 21st centuries and world cultural trends engendered by the “uprising of the masses,” to anticipate the drama of the absurd. At the conference, among the discussed topics were the themes of nihilism and loneliness, viewed through the prism of the existential experience of the writer and world literary characters.

Keywords: I.S. Turgenev, philosophy, literature, politics, culture, German philosophy, self-consciousness, freedom, man, life, death, loneliness, liberalism, Westernism, nihilism, Russia, Europe.

Irina Koznova – D.Sc. in History, Leading Research Fellow at the Department of Philosophy of Culture, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

i.koznova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4601-7118>

For citation: Koznova I.E. (2019) On the Verge of Centuries: A Philosophical Rethinking of I.S. Turgenev. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 3, pp. 150–159. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-3-150-159

В дни 200-летия со дня рождения И.С. Тургенева исследователи, еще раз задумываясь об актуальности его творчества, поставили цель вве-

сти в современное гуманитарное пространство новое видение наследия русского классика. Всемирный день философии 15 ноября 2018 г. был отмечен в Институте философии РАН международной конференцией «Иван Сергеевич Тургенев: философствующий писатель и политический философ. К 200-летию со дня рождения». Конференция прошла в формате пленарного заседания и работы двух секций – философии и секции политологии и культурологии. На пленарном заседании с докладами выступили: **С.А. Никольский** – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН; **А.А. Кара-Мурза** – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН; **М.Ф. Быкова** – доктор философских наук, профессор философии Университета штата Северная Каролина (США), главный редактор журнала «Russian Studies in Philosophy»; **К.Э. Разлогов** – доктор искусствоведения, президент гильдии киноведов и кинокритиков России, профессор ВГИК им. С.А. Герасимова; **В.К. Кантор** – доктор философских наук, профессор НИУ «Высшая школа экономики».

На заседании секций с докладами выступили: **С.С. Неретина** – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН; **Лина Штайнер** – доктор философии, профессор, руководитель Центра по изучению литературы и философии Института философии Рейнского Боннского университета Фридриха Вильгельма (Бонн, Германия); **И.Н. Сиземская** – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН; **А.В. Павлов** – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН; **Н.А. Касавина** – доктор философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН; **Т.С. Злотникова** – доктор искусствоведения, профессор Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, заслуженный деятель науки РФ, в соавторстве с **А.С. Кузиным** – кандидатом педагогических наук, профессором Ярославского государственного театрального института, народным артистом РФ; **Луис Сундквист (Luis Sundkvist)** – доктор философии, специалист по языковым услугам (Вена, Австрия); **И.Е. Кознова** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН; **А.З. Фахрутдинова** – доктор философских наук, профессор Сибирского института управления – филиала РАНХиГС (Новосибирск); **Л.В. Попова** – кандидат культурологии, преподаватель Московского гуманитарного университета.

Открывая конференцию, заместитель директора Института философии РАН по научной работе **Ю.В. Синеокая** отметила отличительную особенность российской культуры, свойственную ей родственность философии и литературы, пронизанность художественных произведений философской мыслью, критичность и публицистичность. Более того, русская классика XIX в., как подчеркнула Ю.В. Синеокая, стала

одной из форм существования философии, а фигура И. С. Тургенева особенно показательна в этом плане. Писатель, имевший философское образование, основал новую парадигму романа XX в. Он был широко известен на Западе и во многом открыл ему русскую культуру, дружил с большим числом западноевропейских интеллектуалов, приобрел известность в политических кругах, считал себя либералом и западником. При этом широта мысли и глубина понимания происходящего в России помогли Тургеневу защищать своих оппонентов-славянофилов в спорах, когда это было необходимо. Значимость Тургенева как философски мыслящего писателя позволяет говорить об удачном выборе символа философской отечественной мысли для Всемирного дня философии – знаменательного интеллектуального события года.

Осмысливая наследие того или иного исторического лица, важно иметь в виду истоки, питавшие его деятельность или творчество. В своем докладе «Тургенев и немецкая интеллектуальная традиция XIX в.» **М.Ф. Быкова** подчеркнула органичность соединения творчества писателя с философией. Полагая, что философские корни мировоззрения Тургенева следует связывать с немецкой традицией, особенно с именами Гете, Гегеля и Шопенгауэра, Быкова отвергла мысль о подражании, настаивая, что речь может идти именно о творческом отражении – уникальном и по-своему неповторимом. В творчестве Гете Тургенев ценил гармонию, ощущение органической глубины и целостности жизни. Также он стал, по его словам, преданным учеником Гегеля, открыв для себя его философию в годы учебы в Берлине. Как отметила Быкова, в двух работах Тургенева особенно отчетливо выражены гегельянские воззрения. В его магистерской диссертации «О пантеизме» (1842) демонстрировалось по существу гегелевское стремление объединить философию и религию и выражалась его идея абсолютного знания, а статья-рецензия 1845 г. «Фауст, трагедия, соч. Гете. Перевод первой и изложение второй части. М. Вронченко» базировалась на гегелевской концепции эволюции человеческого духа. При этом Тургенев критически воспринимал гегелевскую систематизацию, полагая, что та приводит к уничтожению внутреннего содержания любого явления. В рецензии на перевод «Фауста» поднималась тема социальной ответственности индивида, что, по мнению Быковой, в какой-то мере выражало поляризацию, существовавшую внутри самого мировоззрения Тургенева. Глубинное и философское ядро тургеневских произведений характеризует ярко выраженное раздвоение между требованием активизма, столь явно проявившимся в романах, и разочарованием, неспособностью постичь метафизические загадки бытия. Быкова высказала предположение, что данное раздвоение имеет свою основу в немецкой интеллектуальной традиции, в частности в философии Шопенгауэра, подчеркнув, что Тургенев принял некоторые ее аспекты, хорошо вписывающиеся в его мировоззрение. С Шопенгауэ-

ром писателя сближает осознание трагедии каждой индивидуальной жизни, ее бессмысленности. Но он разделяет веру в творческую силу искусства, ценит жизнь как самый значительный дар судьбы человеку, которым тот должен распорядиться соответствующим образом. Для Тургенева человеческое «Я» – высшая ценность, и цель человеческой жизни не счастье, а достоинство, поиск силы внутри самого себя. Это, как подчеркнула Быкова, еще больше сближает его со всей традицией немецкой философии, как классической, так и постклассической.

Говоря о связях немецкой и русской культур, **В.К. Кантор** в докладе «Тургенев: немецкое влияние или схождение мирового духа на Россию» отметил, что отечественные интеллектуалы, уловив общеевропейский смысл немецкой философии, искали в ней ответы на «русские вопросы». Именно Тургенев, будучи первым открытым Западом великим русским писателем, сумел понять «немецкие уроки». Главный из них он видел в способности русских к усвоению европейского наследства для обретения путей возвращения в Европу. Центральной в этом наследстве для писателя была идея свободы в самом широком смысле – в отношении человека к самому себе, к собственным предвзятым идеям и системам, к своему народу, к своей истории. Присущий писателю культурный билингвизм – поразительная русскость «европейца» Тургенева – позволил ему, западнику, стать наиболее тонким и точным выразителем российской жизни и ее типов. Наблюдая русский народ, Тургенев отмечал его становление как исторического, способного к самопознанию, следовательно, к выражению европейской ментальности. Но подобное видение, конечно, подпитывалось и отечественной литературной традицией, связанной с Н.М. Карамзиным и А.С. Пушкиным.

В своем докладе «"Великий незнакомец" в русской литературе. Слово Ивана Тургенева» **С.А. Никольский** подчеркнул особую историческую роль Тургенева как зачинателя литературно-философского анализа в отечественном мыслительном процессе. Именно литературная классика дала мощный импульс российскому самосознанию, а начиная с автора «Записок охотника», народное (крестьянское) лицо стало одной из ее определяющих тем. При этом тургеневское творчество отличалось особой позицией, названной Никольским *художественно-философским наблюдением*, позволившим писателю выделить характерные для российского сознания мировоззренческие черты. Среди них – тесная, едва ли не органическая связь с природой; сочетание рационального и эмоционального начал, зачастую с преобладанием второго, в том числе в одном человеке, фиксирование феномена смерти как особого состояния. Отмечая едва пробивающиеся в самосознании мужика ценности освобожденного труда и личного достоинства, писатель увидел сложность и противоречивость пути освоения им ценности собственности и собственного.

Выступая с докладом «Тургенев как политический мыслитель», **А.А. Кара-Мурза** подчеркнул глубокую осведомленность писателя

в современной ему русской и европейской политике, напомнил о его самоидентификации как «*постепеновца*» и «либерала старого английского покроя». Рассуждая о тургеневском либерализме, Кара-Мурза акцентировал внимание на важности определения последнего, несводимости его содержания к узкополитическому значению. Принципиально, подчеркнул докладчик, что *либерал* во времена Тургенева – это свободная личность, независимая от господствующих идей времени и диктата общественного мнения, от социальных и политических сил, принявшая идею подвижничества. Именно в таком контексте, считает Кара-Мурза, и следует воспринимать фигуру Тургенева. Писатель отстаивал здравый конструктивный европеизм, не приемля ни революционности, ни обновленной «русской исключительности», понимающей патриотизм как примитивное антизападничество. Он полагал, что «новое варварство» («дым») может прийти в Россию не только снизу, из подполья, но и с самодержавно-бюрократического верха. Противостоять «новому варварству» призваны были не герои-одиночки, а принципиально новые общественные отношения, способные превратить вчерашних «одиночек» в социально значимый, хотя и достаточно распространенный, тип личности. По мнению Кара-Мурзы, русское общество не поняло глубинно либеральной, т.е. принципиально надпартийной, сути романа Тургенева.

Непонимание Тургенева выразилось, по мнению *С.С. Неретиной*, в том, что за всеми связанными с ним стереотипами, за сведением его творчества к банальному бытописанию проглядели тургеневский анализ состояния ума. Между тем, подчеркнула она в своем докладе «Роман И.С. Тургенева “Дым” как знак новой исторической общности», писатель показал, как рождаются многие контексты того времени. Все романы носят публицистический характер, прочитанные все вместе, они приобретают особую мощь, во всех доминирует идея диалога культур, не только русско-европейского: диалог начинает устанавливаться внутри самой русской культуры. Главная сила тургеневских романов – свобода и рожденные ею слово и дело. Уже в «Рудине» писатель, последователь Гегеля, напоминает устами своего главного героя, как важно не «сорить» словами, а мыслить логически правильно. Если корреспонденция слова и дела отсутствует, то все – и свободы, и убеждения – «дым». Российская идея свободы рождалась, не проснувшись, – вот о чем, по мнению Неретиной, роман «Дым». Эта «затхлость начала» являет собой и по сей день метафизическое, вневременное рабство, и потому тургеневский диагноз остается диагнозом и нашего времени.

Л. Штайнер в докладе «Тургенев-космополит» связала обсуждение проблематики социального активизма с тургеневским пониманием космополитизма, соглашаясь с *С.С. Неретиной*, что мысли Лежнева о нем не являются собственно авторскими. *Л. Штайнер* посмотрела на космополитизм с точки зрения образа Дон Кихота, к русскому типу

которого она отнесла и Елену; напоминающий Рудина Бабурин тоже превращается из человека-философа с демократическими взглядами в человека действия. Л. Штайнер полагает, что для Тургенева космополитизм, имевший общеевропейские корни, воплощался в идеалах свободы и человеческого достоинства, входивших в русскую культуру как свои и как общечеловеческие духовные константы благодаря беллетристике.

Тема социального активизма обрела на конференции еще одно измерение, связанное с обсуждением темы нигилизма. В своем докладе «Роман “Отцы и дети”: И.С. Тургенев о трагизме “разрушительного отрицания”» **И.Н. Сиземская** говорила о нигилизме как сложном и многомерном явлении, связанном с поиском истины, т.е. «метафизической устойчивости человека». Его скрытый отрицательный потенциал был не только и не столько в политической (леворадикальной), сколько в мировоззренческой составляющей. В тургеневском понимании нигилизм – это критическая направленность ума, способная, став доминантой мирозерцания, привести к разрушению личности. Более того, подчеркнула Сиземская, Тургенев мучительно осмысливал нигилизм как *свою личную проблему*, касающуюся «равновесной значимости» сферы разума и сферы чувств. Обращение к нигилизму не дало Тургеневу ответа на *главный вопрос* о смысле жизни, потому писатель не принимает его ни как максимум разума, ни как максимум сердца. Связывая с Базаровым и в целом с молодым поколением возможное будущее России, Тургенев будто предостерегал: нигилизм может стать болезнью социума, опасным типом мирозерцания, заразив своей бациллой *все* слои общества, потому что у него фактически нет поколенческих границ.

А.В. Павлов в докладе «Так ли плох нигилизм? Несколько размышлений о романе И.С. Тургенева “Отцы и дети”» поставил вопрос: не является ли приписываемая Базарову максима иллюстрацией кантовского тезиса проекта Просвещения? В таком случае базаровский нигилизм не равнозначен отрицанию всех ценностей. Напомнив, что для Базарова вся ответственность за бытие возлагается на человека, Павлов предположил, что подобный «*позитивный нигилизм*» является возвышенным, почти романтическим, а его ядро составляет базаровский эрос – главное испытание для «лишних людей». В этом смысле «тургеневский нигилизм» можно рассматривать в качестве своеобразной позитивной альтернативы позднейшим интерпретациям нигилизма европейскими философами.

Своеобразный аспект трактовки проблемы согласия ума и сердца представил **Л. Сундквист** в докладе «Об одной испанской поговорке у Тургенева и Конрада». Обратив внимание на употребленную Базаровым в разговоре с Аркадием «одну испанскую поговорку», в переводе на русский язык звучащую как «мужчина должен быть свиреп»,

Л. Сундквист предложил толковать ее в широком, положительном смысле, подразумевая под «свирепостью» не только пренебрежение неудачами в любви, но и решимость бороться со всеми превратностями, которые могут возникнуть на жизненном пути. В романе «Ностро-мо» Дж. Конрад, размышлявший по поводу тургеневской трактовки проблемы разъединения мысли и воли в человеческой природе, тоже использовал данную поговорку, но его герой, в отличие от Базарова, терпит моральное крушение.

Проблема разъединения мысли и воли, отсылающая к речи Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот», дала основание *Т.С. Злотниковой* представлявшей на конференции также *А. С. Кузина*, своего соавтора по докладу «Одиночество в России: философско-антропологический модус драматургии И.С. Тургенева», взглянуть на проблему в ракурсе «одиночества в толпе». Если вспомнить еще и Фауста, то окажется, что три самых знаменитых одиноких образа мировой литературы были «препарированы» Тургеневым, трансформировавшись в персонажей его собственного творчества. И тогда вполне уместен вопрос: чем Лаврецкий не «русский Гамлет», а Базаров – не отечественный Дон Кихот? Одновременно чувствуется невероятная тонкость ощущения писателем наступающего ужаса перед поднявшейся во весь рост в XX в. массой, «частицей» которой был и Базаров. Но тут, как заметила Злотникова, нельзя обольщаться: Базаров – «пока» Дон Кихот, а не умри он, кем бы он стал? Мотив одиночества проявлен в полной мере у Тургенева-драматурга, которого, по мнению Злотниковой и Кузина, следует признать основателем отечественной психологической драмы. Мотив воплощен в его пьесах по принципу драмы абсурда – не только в монологах, но главным образом в беспредметных, лишенных признаков коммуникации диалогах, выражающих «вечное» вселенское одиночество на русских просторах, не замеченное, к удивлению докладчика, в тургеневском творчестве Н.А. Бердяевым. Если вернуться к докладу С.С. Неретиной и ее напоминанию, что Тургенев не признавал за убеждением «искусства» логического плетения словес, то, похоже, абсурд (он же «дым») вполне обнаруживает себя в романном творчестве писателя. Тургенева многие не понимали при жизни и позже (или, напротив, «слишком» хорошо понимали, если судить по его живописной иконографии); одиночество писателя, по мнению Злотниковой и Кузина, было его экзистенциальным состоянием.

Обращаясь к острому по своей автобиографичности тургеневскому циклу «Стихотворения в прозе», *Н.А. Касавина* в докладе «Экзистенциальное одиночество: смирение и миссия (по мотивам произведений И.С. Тургенева)» показала, что одиночество интерпретируется писателем в контексте восприятия вечной, возвышающейся над человеком природы, в образах смерти и времени, а также через обращение к «другому». Одним из них выступает двойник – некий свидетель внутренней

жизни, возможно, прошедшее «Я», которое именно в одиночестве остро ощущает «Я» настоящее и пытается настроить с ним диалог. На данный сюжет Касавина предложила посмотреть сквозь призму экзистенциальной философии, отводящей важную роль воспоминанию о прошлом. Прошлое, в смысловом плане актуализирующееся в каждый из моментов настоящего и одновременно представляющее собой призыв к нему, является и несущей основой настоящего, и стесняющим его пределом. Именно так, по мнению Касавиной, можно воспринимать присутствие у Тургенева прошлого как двойника – важного, но вместе с тем тягостного. В подобном образе выражены эсхатологические и метафизические мотивы творчества Тургенева, ощущавшего применительно к себе зыбкость религиозного опыта преодоления одиночества.

Доклад Н.А. Касавиной вызвал полемику. Так, И.Н. Сиземская поставила вопрос, можно ли объяснить выражение идей экзистенциализма спецификой русской философии. По мнению Касавиной, экзистенциальная направленность проявилась в литературной классике раньше, чем в философии, хотя в ней вряд ли возможно искать трактовку вопросов, присущую именно экзистенциальной философии. С.С. Неретина возразила, что экзистенциальный посыл присутствует в любой литературе, свидетельствуя об определенном состоянии ума. Не означает ли это приписывания Тургенева к какому-то направлению, в то время как философствующий писатель – личность уникальная, тем более писатель, живущий в ситуации нефилософской. Сиземская пояснила, что ее интересует, насколько русская философия может быть охарактеризована в качестве особого способа философствования. Неретина согласилась с правомерностью вопроса, но подчеркнула, что все же следует помещать Тургенева в его время, а тогда как раз зарождался реализм. Правда, возникает вопрос о том, как понимать реальность, и в этой связи – что в своей сути есть реализм? Строго говоря, речь идет о множественности вероятий, стоящих за формулой «что было бы, если бы...». Отвечая на вопросы, Касавина еще раз обратила внимание на тургеневский сюжет с двойником как проблему рекурсивности экзистенциального опыта именно в силу незавершенной возможности жизни.

А.З. Фахрутдинова в своем докладе «Теория малых дел в творчестве И.С. Тургенева» рассмотрела противостояние различных установок и ипостасей в сюжетах тургеневских произведений и в характерах его героев, условных Дон-Кихота и Гамлета, развила и рассуждения Неретиной о множественности возможных реализаций умозрений, и размышления Сиземской о разладе ума и сердца, и Касавиной – об одиночестве. Говоря о многообразии вариантов комбинации отмеченных черт в тургеневских персонажах, Фахрутдинова предложила видеть в Лаврецком не только гамлетовские черты. Эта мысль, на

И.Е. КОЗНОВА. На грани столетий: философское переосмысление И.С. Тургенева

мой (А. К.) взгляд, перекликается с предложенной литературоведом Ю.В. Манном в 1968 г. характеристикой Базарова как «гамлетизирующего Дон Кихота» (к сожалению, в настоящее время забытой).

Касаясь вопроса преломления творчества Тургенева в современной культуре, в частности в кинематографе, *К.Э. Разлогов* в докладе «Тургеневские девушки на экране» отметил объяснимый и одновременно парадоксальный интерес к тургеневским женским образам и тому стереотипу, который существует в двух ипостасях. С одной стороны, «тургеневские девушки» с легким налетом провинциальности – это некий миф массовой культуры. С другой стороны, их обобщенный образ воплотился в иную, более глубинную форму бытования женских характеров – сильных, требовательных и к себе, и к своим партнерам. Произошло это, в частности, в фильмах «новой волны», что оказалось созвучным второй половине XX в. Важно, считает Разлогов, насколько проза Тургенева уловила черты женского характера, не всегда и не обязательно специфические для России, но специфические для нашего времени.

Тему переноса литературных образов на экран затронула и *Л.В. Попова* в докладе «Образ России в фильме А. Михалкова-Кончаловского "Дворянское гнездо"». Образ России предстает как средоточие и контраст разных миров – возвышенного и грубого, господского и мужицкого. Это не природный образ, как у Тургенева, а антропоморфный, так или иначе пронизанный ностальгией по былому. Значимым для фильма стал тот факт, что время его создания (1969 г.) совпало с возрастающим интересом общества к своим национальным корням и традициям за пределами революционных, с активизацией в публичной сфере полемики по поводу национального и универсального в отечественной культуре. Об этом говорила *И.Е. Кознова* в докладе «Русская литература на "tendez-vous" с советской культурой: случай И.С. Тургенева». Если говорить об освоении наследия Тургенева и интеграции его в советскую культуру, то «мягкая мощь» тургеневского творчества препятствовала его политизации. Слово осталось за классиком.

Конференция стала свидетельством открытости творчества И.С. Тургенева для новых интерпретаций его произведений.